

УДК: 008:1-027.21

Загадочные чуванцы: историко-культурные особенности формирования феномена «чуванцы-марковцы» на Чукотке с XIX по начало XX в.

Алексей Иванович Ткалич,

кандидат педагогических наук, доцент

Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета, Москва.

E-mail: tkalichai@mail.ru

В основе формирования на Чукотском полуострове такого этнокультурного феномена, как «чуванцы-марковцы», лежат взаимопользные культурные контакты с русскими казаками-землепроходцами и принятие христианства. Ещё в первой половине XVII в. русские смогли за счёт быстро установившихся связей найти надёжных союзников, а чуванцы, воспринимая ценности новой для них русской культуры, сформировали к началу XX в. уникальные черты своей социальной и культурной жизни, выгодно отличающие их от других этносов региона. Воспринимая ценности новой для них русской культуры, чуванцы поднялись на более высокий уровень развития хозяйственной и духовной жизни, став к началу XX столетия подлинным феноменом среди других этносов Крайнего Северо-Востока. В результате весьма позитивных процессов сформировалась особая этническая общность, обладающая уникальными чертами. Чуванцы «освоили» русскую культуру, перешли на русский язык при общении друг с другом. И сейчас, когда речь идёт о традиционном фольклоре чуванцев, их песнях и танцах, праздниках и обрядах, мировоззрении и мироощущении, можно констатировать известную репликативность, связь с русской культурой и вместе с тем, особые свойственные только им уникальные стороны и черты. Осмыслением этого феномена занимались исследователи как в XIX, так и в XX вв., появилось несколько научных трудов и в первые десятилетия нынешнего XXI в.

Ключевые слова: Чукотка, русские казаки-землепроходцы, коренные этносы Крайнего Северо-Востока, чуванцы-юагиры, чуванцы-марковцы.

Mysterious Chuvans: historical and cultural peculiarities of the phenomenon of “Chuvans-Markovcy” in Chukotka from the nineteenth century to the beginning of the twentieth century.

Aleksey Tklich, Saint Tikhon Orthodox Humanities University, Moscow, Russia.

E-mail: tkalichai@mail.ru.

At the core of formation of the ethnocultural phenomenon of the “Chuvans-Markovcy” on the Chukotka peninsula are the mutual useful cultural contacts with Russian Cossacks-explorers and the adoption of the Orthodox Christianity. In the first half of the seventeenth century, due to the established relations, the Russians were able to find quickly reliable allies. Taking into consideration the values of the new culture, the Chuvans rose to a higher level of the development and by the early twentieth century created unique features of their social, economic and spiritual life which distinguished them from other indigenous ethnic groups of the Far North-East. A new ethnic community with its own distinctive characteristics was created as a result of all positive processes. The Chuvans “mastered” Russian culture, switched to Russian language for communication. Nowadays, the traditional folklore of the Chuvans, their songs and dances, feasts, rituals and worldview have a strong connection with Russian Orthodox culture as well as particular features appropriate for this ethnic community. The researchers analyzed this phenomenon in the nineteenth and the twentieth centuries, several scientific works have appeared in the first decades of the twenty-first century.

Keywords: Chukotka, Russian Cossacks, indigenous ethnic groups of the Far North-East, Chuvans-Yukagirs, Chuvans-Markovcy.

Освоение Крайнего Северо-Востока русскими землепроходцами и возведение стен Анадырского острога в XVII в., основание поселения Марково в бассейне реки Анадырь в середине XIX столетия, а также Новомариинского поста в конце XIX в. — все эти значимые события на Чукотском полуострове невозможно представить без участия одного из коренных этносов Чукотки — чуванцев.

Чуванцы, или по-другому юагиры чуванского рода, на протяжении своей этнической истории прошли весьма интересный путь развития. В XVII—XVIII вв. русские привлекали чуванцев, плательщиков ясака, к участию в военных экспедициях «против немирных чукоч». Войдя в состав русских отрядов, чуванцы помогали русским быстрее ориентироваться в местных условиях, а те, в свою очередь, защищали их как своих главных союзников [13, с. 23]. В результате взаимовыгодных контактов чуванцы-юагиры обогатили свою культуру, восприняв от русских то, что им было приемлемо и полезно. Всё это привело к возникновению уникального этнокультурного явления в регионе.

Историография чуванцев-юкагиров не слишком обширна, но обстоятельна. Осмыслением их феномена занимались исследователи как в XIX, так и в XX в., появилось несколько научных трудов в последнее десятилетие нынешнего, XXI в. Можно утверждать, что интерес к изучению чуванцев закономерен, и труды Я. Линденау, В.И. Иохельсона, И.С. Гурвича, В.А. Туголукова и др. подтверждают это. В.И. Иохельсон, например, описывая в своей книге материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, обратил особое внимание и описал помимо прочего, удивительные пиктографические письма юкагиров [8]. И.С. Гурвич в статье «Чуванцы» подробно, насколько позволяли её рамки, представил факты слияния юкагирской (чуванской) и русской культур [8]. В.А. Туголуков и вовсе представил юкагиров загадочным народом, подробно разобрал на страницах своего труда, в чем заключаются корни этой загадки, назвав свой труд «Кто вы, юкагиры?» [17]. Кроме того, о юкагирах можно прочесть в трудах Н.Л. Гондатти [5], А.А. Буркина, исследовавшего происхождение и этническую историю чуванцев, их материальную и духовную культуру на конец XIX — начало XX вв. [2], а также в коллективном историко-этнографическом очерке «Юкагиры» (1975) [18].

Все указанные авторы, описывая отдельные страницы исторического прошлого, давая оценку тем или иным чертам характера чуванцев-юкагиров, отмечают их уникальность и неповторимость, которая оформилась в итоге в особый этнокультурный феномен (рис. 1). Попробуем

Рис. 1. Семья юкагиров (фото В. Иохельсона, 1911 г.)

разобраться в историко-культурных особенностях и факторах, которые способствовали его формированию.

«Юагиры, — писал Я. Линденау, — сильнее, смелее и храбрее, чем их соседи — коряки <...>. Якутам юагиры стали известны только в новейшее время, а тунгусам и корякам юагиры были известны всегда, так как они вели обмен с последними, а иногда нападали на них и грабили» [12, с. 154].

По утверждению известного исследователя И.С. Гурвича, на своеобразную консервацию естественно сложившегося образа жизни юаги-ров существенно повлиял целый комплекс природно-географических условий, формировавшихся на протяжении последних четырёх тысяч лет. Относительно постоянное экологическое состояние обусловило в том числе «устойчивые, однообразные способы добывания средств к существованию, предопределило характер общественных отношений и их своеобразие» [6, с. 44].

Издревле юагиры занимали довольно значительную территорию: практически всю Якутию, Чукотку и весь бассейн р. Колымы. Согласно их преданиям, юагирских костров было столько же, сколько звёзд на небе. Северное полярное сияние не случайно в переводе с якутского значит «юагирские огни» [8, с. 92]. Юагирские племена делились на роды, которые жили каждый на своей территории: омоки — на Нижней Колыме и в бассейне рек Малый и Большой Аней; колымцы — в верховьях реки Колымы; ходынцы и анаулы — в бассейне реки Анадырь, а также в верховьях рек Омолон и Пенжина; чуванцы — в верховьях реки Анадырь и в районе Чаунской губы (рис. 2.) [11].

В XVI—XVII вв. юагирские племена вели нескончаемые войны со своими соседями — эвеннами, затем чукчами, а также между собой. Всё это, а также периодически вспыхивавшие эпидемии оспы и следовавшие за ними голодовки сильно ослабили этнос, что привело к почти полному исчезновению некоторых родов. Так исчезли омоки, анаулы и ходынцы, значительно сократилась численность чуванцев. Подвергались юагиры и ассимиляции со стороны некоторых соседних народов. Например, юагирские роды алай и шоромба подверглись известному культурному влиянию со стороны якутов, а колымцы и лавренцы — эвенов. Чуванцы, занимавшиеся оленеводством в бассейне р. Анадырь, многое восприняли от чукчей и даже перешли на чукотский язык в межличностном общении, совершенно утратив свой. Вытесненные чукчами со своих исконных территорий, большинство чуванцев к концу XVIII столетия осели в бассейне р. Анадырь и в верховьях рек Большой и Малый Аней. Существовали они за счёт охоты на дикого оленя, позднее — оленеводства. Из их среды появлялись посредники в торговле русскими товарами с чукчами. Многие из оседлых чуванцев жили вблизи русских поселений и главным образом Анадырского острога. Интересно, что среди юаги-ров и эвенов Чукотки широко распространены фамилии Щербаковых, Дьячковых, Спиридоно-

вых, Ягловских. По мнению Ю.В. Туголукова, эти фамилии появились в среде юкагиров после крещения их предков. Фамилия Щербаковых восходит к фамилии служилых людей Алёшки и Омельки, которые стали восприемниками (крестными отцами) при крещении предков сегодняшних носителей этих фамилий. Другие из известных фамилий — Спиридоновы, Ягловские, Дьячковы, Туголуковы и др. — также появились во время процесса христианизации, через восприемников — русских служилых людей [5, с. 68].

Между русскими и племенами юкагиров и чуванцев дружеские отношения установились не сразу. Тем не менее юкагиры и чуванцы были первыми, кого встретили русские казаки-землепроходцы на Крайнем Северо-Востоке во второй половине XVII столетия.

Наблюдая междоусобные стычки, которые год от года уменьшали численность юкагиров, русские стали вмешиваться и «покровительствовать одним, обнадёживать других, защищать третьих» [1, с. 34]. Постепенно юкагиры прочно сблизились с русскими казаками. Стычек стало меньше, и между юкагирами и русскими казаками установился мир. Установлению дружеских взаимоотношений в немалой степени способствовало распространение христианства [13, с. 14, 122].

Помогало и то обстоятельство, что казаки стали обустриваться в своих острогах и брать в жёны женщин-чуванок. За чукотских женщин требовалось отрабатывать в качестве пастуха при оленьих стадах отца невесты

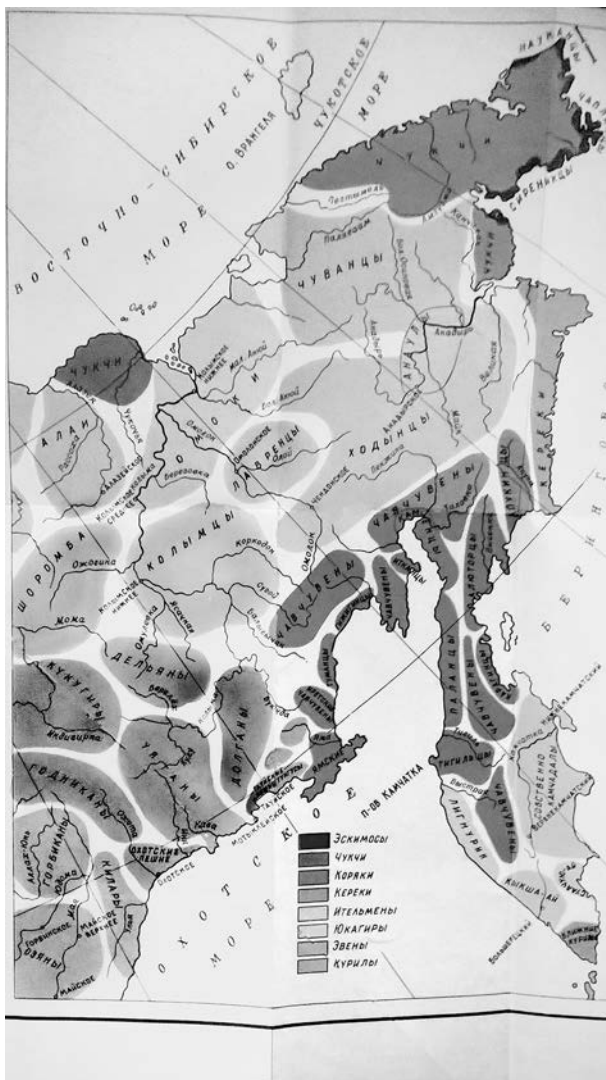

Рис. 2. Схема расселения чуванцев и юкагиров в XVII в.

три года, что при регулярной казацкой службе было невозможно, а юкагирики (чужанки) охотно выходили замуж за казаков по любви и по взаимному согласию. При этом детей, появлявшихся от таких браков, отцы порой крестили сами, что было не редкостью, особенно в период отсутствия священника, т.е. миряне крестили мирян [4, с. 23]. И хотя это не запрещено догматами Церкви, духовные и светские власти были обеспокоены тем, что обряд крещения мог осуществляться с серьёзными нарушениями. В связи с этим для духовного окормления юкагиров уже в начале XVIII в. стали возводить часовни, а затем и церкви: в Верхне-Колымске, Средне-Колымске, Нижне-Колымске и Зашиверске. Существовала к тому времени церковь и в Анадырском остроге.

Принимая православие, чужанцы получали возможность вступить в казацье ополчение, стать служилыми людьми. Их сближению с русскими способствовали также родственные связи, которые устанавливались, как было уже упомянуто, в результате женитьбы мужчин-казаков на женщинах-чужанках. Установление родственных связей помогало не только в повседневной жизни, когда требуется обычная помощь и взаимовыручка на бытовом уровне. Большую помощь оказывало установление родственных связей в экстремальных ситуациях. Характерен случай, который относится к началу XVIII в., когда во время восстания юкагиров против отряда казаков Афанасия Петрова чужанец Еремей Тугулаков «пал на служилого человека Якова Волокту и убить не дал, так как приходился родичем последнему» [5, с. 56].

Активно воспринимая русскую культуру, чужанцы постепенно отказывались от употребления своего родного языка и к середине XIX в. полностью перешли на русский язык. Их быт практически перестал отличаться от быта русских старожилов. Они стали строить избы для жилья, спали на деревянных кроватях — «урунах», на пуховых перинах, покрытых бельём. Для глажения белья употребляли, как и русские старожилы, деревянные катки — вальки. В чужанских избах, в красном углу, помещались иконы; на специальных полках лежали книги религиозного содержания.

После ликвидации в 1764 г. Анадырского острога многие чужанцы переехали в Гижигу и Нижне-Колымск, но к сороковым годам XIX в. большинство из них постепенно вернулось на привычные охотничьи места и оленьи пастбища в район бывшего Анадырского острога, а также Анадырской торговой крепости, существовавшей в 1810—1844 гг. Часть жителей, среди которых были представители других юкагирских родов, а также ламуты-эвены и чукчи, оказалась в районе охотничьей заимки старожила Маркова. Здесь, в среднем течении р. Анадырь, имелись наиболее удобные участки для ловли рыбы. Места для сезонной поволоки диких оленей, которые осенью и весной совершали переходы через реку Анадырь, также находились неподалёку. Но главной причиной сосредоточения жителей «различных родов» и «обществ» в Марково второй

начальник Анадырской округи Н.Л. Гондатти называет постройку здесь в 1862 г. Николо-Иннокентьевской церкви [5, с. 94]. Так образовался существующий и поныне посёлок Марково, жителями которого в большинстве своём были чуванцы-марковцы, в отличие от чуванцев, кочевавших с оленьими стадами в районе Чаун-Чукотки (рис. 3).

Фотографии тех лет донесли до нас облик марковской церкви. Словесный же её портрет прекрасно передан известным путешественником и исследователем сибирской жизни Джорджем Кеннаном. Он побывал в Марково в 1896 г. Воспоминания Кеннана о праздновании Рождества Христова как нельзя лучше передают дух жизни марковского общества в конце XIX в.: «Все мы встали в 4 часа утра, чтобы присутствовать при раннем богослужении в церкви. В доме все уже были на ногах. В печке ярко горел огонь, восковые свечи были зажжены перед массивными образами в нашей комнате, и воздух напоён запахом ладана. На дворе было совсем темно... Мы поспешно отправились к бревенчатой церкви, но служба уже началась, когда мы пришли, и мы молча заняли место в толпе богомольцев. „С нами Бог, разумеете языцы!“, — выводил хор. „Услышите до последних земли, яко с нами Бог!“ — отвечал ему нараспев низкий мужской голос. „Удивительно, — подумал я, — в самом деле, здесь мы действительно где-то у „последних земли“, попросту говоря — на краю света» [10, с. 140—144]. Стены храма, как заметил Дж. Кеннан, были украшены образами русских святых, перед которыми горели большие восковые свечи, перевитые спиралью полосками позолоты. Священник служил неспешно, торжественно, и церковь была наполнена благоухающим дымом от его кадила. После окончания службы все молящиеся вышли

Рис. 3. пос. Марково и Николо-Иннокентьевская церковь
(фото В. Иохельсона, 1911 г.)

из церкви и под праздничный перезвон колоколов двинулись в дом священника, где им был предложен чай. Едва была допита последняя чашка, как дверь дома открылась — и в избу зашла вереница людей. Их лица были преисполнены торжественности момента: они пришли славословить Христа и поздравлять обитателей дома с Великим праздником.

Остановившись за несколько шагов до икон, они все разом перекрестились и запели простую, но приятную мелодию рождественского кондака: «Христос рождается — славите! Христос с небес, срящите...». Не ожидая услышать рождественские песнопения в маленьком сибирском поселении у полярного круга, Кеннан стоял совершенно поражённый и с удивлением смотрел на певчих. Пожелав весёлых праздников, долгой жизни и счастья «господам из Америки», они отправились дальше, чтобы посетить остальные дома в селении. Вслед за этой группой певцов явилась другая, третья, пока, наконец, вся молодёжь посёлка (Марково — А.Т.), не пребывая в гостях у Кеннана [10, с. 229].

Очень яркое зрелище наблюдал он в дальнейшем, когда все жители высыпали на улицу, нарядившись в свои лучшие одежды. Женщины в пёстрых платьях из меха, покрытые пунцовыми платками, ходили из дома в дом с поздравлениями. Мужчины играли в мяч на снегу. Бревенчатые избы, сугробы снега, ледяные горки, несмолкаемый перезвон колоколов на церкви — всё было похоже на праздничную русскую деревню, но было здесь немало необычного и оригинального: многочисленные украшенные лентами сани были запряжены собаками, а смеющиеся лица жителей поселения, предающихся праздничному увеселению, радостным крикам и хохоту, были явно нерусского типа (не стоит забывать, что основными жителями Марково были чуванцы). Всё селение имело оживлённый и весёлый вид. Вечером на третий день Рождества священник устроил в честь Джорджа Кеннана и его спутников большой праздник, на который были приглашены жители всего селения. Как пишет далее сам путешественник, «Общий эффект от костюмов наших гостей был довольно живописен: все мужчины были одеты в тяжёлые меховые кухлянки и сапоги, а дамы — в лёгкие кисейные платья. Оркестр состоял из скрипок и балалаек. Угощение — из мороженой брусники, рыбных стружек — любимого лакомства сибиряков, которое впоследствии я встречал часто под названием „строганины“, белого хлеба с маслом и пирогов с брусникой» [10, с. 229].

Церковные праздники являлись не единственной отдушиной в тяжёлой повседневной жизни марковцев. По рассказам жительницы с. Усть-Белая чуванки А.Е. Шитиковой, которая родилась и долго жила в Марково, перед праздниками — Рождеством, Пасхой, Новым годом — 5—6 женщин собирались на спевку, а в сами праздники ходили по домам, чтобы поздравить песнями своих сельчан. Другие жители села вспоминали, как они в молодости во время Рождественских Святков «ходили „со звездой“ по дворам. Исполняли также исторические песни — „Скопина“ пели,

например» [8, с. 72]. Любили марковцы не только сами петь, но и послушать хорошее пение. Священника Митрофана Шипицына, а затем и его сына, о. Агафопода, уважали ко всему прочему за их хорошие голоса.

Об отце Агафоподе старейшая жительница села чуванка Екатерина Андриановна Берёзкина отзывалась так: «Он русской был, а пел так хорошо!» [15, с. 72]. Заметим, что в этом отзыве подчёркнуто национальное отличие священника от жителей Маркова, сами-то чуванцы называли себя просто «мы — местные».

Чтобы представить себе, как одевались местные жители на Анадыре и Колыме в начале XX в., обратимся к записям Н.Ф. Калининкова, помощника начальника Анадырской округи: «В одежде здешнего населения существует пёстрая смесь европейского типа с инородческим. Носят русские ситцевые рубахи-косоворотки, пиджаки, поддёвки; на Колыме — чукотские ирани-кухлянки с капюшонами. Носят также ровдужные и нерпичьи торбаза-сапоги, а также камусные штаны и ровдужные рубахи. Но особенно интересно посетить в праздник церковь. Здесь женские костюмы переносят воображение зрителя в эпоху глубокой старины: можно видеть салопы с круглыми серыми воротниками, украшенными рядами хвостиков; повойники и кокошники. И тут же вы увидите местную парку — женскую кухлянку, только несколько длиннее, — сделанную из хорошо прибранного чёрного выпорotka с богатым шитьём по подолу, опушённую хорошим речным бобром» [9, с. 18].

Чуванки были искусными мастерицами. Они с большой выдумкой и тщательностью составляли мозаичные опуваны — подола к женским кухлянкам (которые шили и продавали на ярмарках как особое произведение своего труда). меховая мозаика, вышивка подшейным волосом оленя и цветными нитками, выделка тончайшей оленьей замши — всё это позволяло женщинам села Марково и его окрестностей иметь хотя и небольшой, но стабильный заработок, так как все эти вещи пользовались большим спросом у кочевников-оленеволов на ежегодных ярмарках. Мужчины также занимались кустарным промыслом: делали лодки-долблётки, плетёную домашнюю утварь, женские украшения на продажу; интересно, что сами чуванки никаких украшений не носили — ни бус, ни серег, ни браслетов. На шее у них были только православные крестики, а на руках у замужних — лишь венчальные кольца. Все приготовленные изделия везли на ярмарки — в Еропол, Гижигу, в Островную крепость на Анюе, в Нижнеколымск (рис. 4).

В 1883 г. по благословению епархиального начальства марковский священник о. Митрофан Шипицын открыл при Николо-Иннокентиевском храме церковно-приходскую школу. Закон Божий о. Митрофан преподавал в этой школе сам, а отечественную историю, русский язык и славянскую грамоту поручил вести псаломщику Афанасию Дьячкову. После смерти о. Митрофана в 1902 г. Афанасия Дьячкова попросили также

Рис. 4. Автор статьи А.И. Ткалич и чуванец А.Н. Берёзкин возле лодки-долблёнки, пос. Марково, (фото В. Сертуна, 1993 г.)

преподавать Закон Божий, что он и делал до приезда нового священника, о. Агафопода. Жалованье учителю Марковской школы выделял Благовещенский комитет Православного миссионерского общества [9, с. 73]. При школе имелась неплохая библиотека, книги для которой частью были подарены отцом Митрофаном Шипицыным, частью — первым начальником Анадырской округи Леонидом Францевичем Гриневецким, частью — Николаем Львовичем Гондатти, который возглавил Анадырскую округу после безвременной кончины Гриневецкого [13, с. 88—89].

Дом для школы приобрели всем обществом вскладчину у одного из жителей п. Марково [9, с. 73]. С 1883 по 1895 г. в Марковской школе обучалось 65 мальчиков и 50 девочек [9, с. 73]. Учебный год, как писал первый учитель Афанасий Дьячков, начинался в марковской школе с «рекостава», а заканчивался «реколомом». Иными словами, обучение в школе длилось со второй половины октября до конца мая, т.е. около семи месяцев. И хотя занятия в школе вёл «полуграмотный чуванец» (А. Дьячков), «благодаря только ему, — отмечал начальник Анадырской округи Н.Л. Гондатти, — в Марково почти во всякой семье есть кто-нибудь, умеющий читать и писать» [5, с. 91].

Следует отметить, что чуванцы жили не только в Марково. Были и другие посёлки, в которых издавна проживали они в соседстве с другими юкагирами, а также ламутами-эвенами. Одно из таких поселений — Еропол, где с 1889 г. проводились регулярные обменные ярмарки. В 1895 г., по сообщению Н.Л. Гондатти, в этом селении находилось 13 дворов и 4 хозяйства. В числе построек была и православная часовня, возведённая

в 1892 г. «из лиственничного леса, преимущественно для съезжающих сюда крещёных ламутов и чуванцев, в высшей степени религиозных и очень тщательно исполняющих все обряды», — писал в 1897 г. Н.Л. Гондатти [5, с. 92, 95]. Священник приезжал сюда обычно во время проведения ежегодной весенней ярмарки.

В конце XIX в. число посёлков, в которых жили чуванцы, увеличилось. Возросло и количество жителей существующих посёлков. В Ерополе стало проживать 52 человека в пяти домах; в Усть-Белой — 20 человек в трёх домах; в Усть-Майне — 14 человек в одном доме; в Старой Крепости — 15 человек в двух домах. В Оселкино проживало 13 человек в двух домах; на заимке Спиридонова — 16 человек в трёх домах; на заимке Солдатова — 28 человек в трёх домах. Как отмечал Олсуфьев, «все (окрестные жители — А.Т.) живут одной жизнью, все знают друг друга и часто видятся между собой, все не знают другого языка, кроме русского. Наконец, все приписаны к Марковским обществам» [11, с. 30]. В 1891 г. в самом Марково имелось «38 домов, 3 юрты, жителей — 279 душ обоего пола», — сообщал в 1893 году А. Дьячков в своей книге «Анадырский край» [4, с. 202].

К 1895 г. в Анадырском Николо-Иннокентиевском приходе селения Марково числилось уже 1310 человек, среди которых 496 вели оседлый образ жизни, и 814 человек кочевали со стадами оленей в окрестных тундрах. Начальник Анадырской округи Н.Л. Гондатти, к чьим сведениям мы уже обращались, писал, что в Марково «имеются представители всех народностей, живущих в округе, за исключением эскимосов ...» [5, с. 94].

Несмотря на всякого рода запрещения и антирелигиозную пропаганду, доминировавшие в советское время, православная вера, тщательно передаваемая молодому поколению от бабушек и дедушек, сохранилась у чуванцев и до наших дней. В советские годы соблюдалась одна трогательная марковская традиция: в ночь под Рождество все сельчане обязательно шли на реку за водой. У проруби собирался и стар и млад. Вода, набранная в эту ночь, почиталась освящённой. «Сам Бог освятил её», — говорили марковцы. Приходили к реке в полной тишине, набирали воду и также молча уходили [15, с. 81]. Никогда не забывали в Марково и праздник Святой Пасхи; пекли куличи — радость марковских ребятишек; красили луковой шелухой яйца. В день самого праздника приветствовали друг друга: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» [15, с. 80—81].

Таким образом, тесные межэтнические коммуникации, сближение русских казаков-землепроходцев и чуванцев, которое началось ещё в первой половине XVII в., оказалось взаимопользным и взаимовыгодным: русские смогли за счёт быстро установившихся контактов найти надёжных союзников, а чуванцы, воспринимая ценности новой для них русской культуры, поднялись на значительно более высокий уровень развития хозяйственной и духовной жизни, став к началу XX столетия подлинным

феноменом среди других этносов Крайнего Северо-Востока. В результате весьма позитивных процессов, в числе которых немалое место занимали также браки между казаками и чуванскими женщинами, сформировалась особая этническая общность, обладающая уникальными чертами. Чуванцы «освоили» русскую культуру, перешли на русский язык при общении друг с другом. И сейчас, когда речь идёт о традиционном фольклоре чуванцев, их песнях и танцах, праздниках и обрядах, мировоззрении и мироощущении, можно констатировать известную репликативность и связь с русской культурой и вместе с тем особые, свойственные только им уникальные стороны и черты.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргентов А.И. Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности // ЗОРГО. СПб, 1857. 48 с.
2. Бурыкин А.А. Чуванцы. Происхождение и этническая история. Материальная и духовная культура (конец XIX — начало XX вв.). Анадырь, 1993. 32 с.
3. Дневник противораскольнического миссионера // Камчатские епархиальные ведомости. 1894. № 6. С. 24.
4. Дьячков А.Е. Анадырский край. Репринтное воспроизведение издания 1893 г. Магадан, 1992. 267 с.
5. Гондатти Н.Л. О поселениях по реке Анадыру // Отчёты о поселении по Анадыру и составе населения Анадырской округи. Хабаровск, 1897. С. 71—178.
6. Гурвич И.С. Чуванцы // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 76—83.
7. Гурвич И.С. Этногенез, этническая история и социальная организация народов Дальнего Востока // Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М.: Наука, 1985. 239 с.
8. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 234 с.
9. Калинин Н.Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912. 246 с.
10. Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других племён Камчатки и Северной Азии. СПб, 1897. 384 с.
11. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. 456 с.
12. Линденау Я.И. Собрание исторических сведений о юкагирах // Описание народов Сибири. Магадан, 1983. С. 154—156.
13. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, её экономического положения и быта населения // ЗОРГО. СПб. 1896. Т. 2. Вып. 1. 223 с.
14. Слюнин Н.В. Среди чукчей // Землеведение. М., 1895. Кн. 4. 46 с.
15. Ткалич А.И. Православная миссия на Крайнем Северо-Востоке. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 235 с.
16. Ткалич А.И. Просветительская деятельность Русской Православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период: дисс. ... канд. пед. наук. М., 1999 г. 181 с.
17. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. 152 с.
18. Юкагиры: историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1975, 245 с.

REFERENCES

1. Argentov A. Putevie sapisky svjaschenika-missionera v pripoljarnoy mestnomy [Travel notes of the priest-missionary in the circumpolar area]. *ZORGO*, St. Petersburg, 1857, 48 p. (In Russ.)
2. Burykin A.A. *Chuvanzы: Proishoghdenie i etnicheskaja istoria. Materialnaja i duhovnaja kultura (konez XIX — nachalo XX vv.)* [Chuvans: origins and ethnic history. Material and spiritual culture (the late 19th century — the early 20th century)]. Anadyr, 1993, 32 p. (In Russ.)
3. Dnevnik protivoraskolnitscheskogo missionera [Diary of the antidissident missionary]. *Jakutskie eparhial'nye vedomosti*, 1894, no. 6, p. 24 (In Russ.)
4. Dyachkov A.E. *Anadirsky kray* [Anadyr region]. Reprint of the 1893 year edition. Magadan, 1992, 267 p. (In Russ.)
5. Gondatti N.I. O poselenijah po reke Anadyru [*Settlements on the Anadyr River*]. *Otchjoty o poselenii po Anadyru i sostave naselenija Anadyrskoj okrugi (kursivom)* [The report about the structure of population of the Anadyr district]. [Settlements on the Anadyr River]. Khabarovsk, 1897, pp. 71—178. (In Russ.)
6. Gurvich I.S. Chuvansy [Chuvans]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1992, no. 5, pp. 76—83.
7. Gurvich I.S. Etnogenes, etnicheskaja istoria i socialnaja organisacia narodov Dalnego Vostoka [Ethnogenesis, ethnic history and social organization of the peoples of the Far East]. *Narody Dalnego Vostoka SSSR v XVII—XX vv.* Moscow, Nauka Publ., 1985, 239 p. (In Russ.)
8. Jochelson V.I. *Materialy po izutscheniju jukagirskogo yazika i folklore, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials for the study of the Yukagir language and folklore collected in the Kolymsky District]. St. Petersburg, 1900, 234 p. (In Russ.)
9. Kalinnikov N.F. *Nasch Krajnyj Severo-Vostok* [Our Far North-East]. St. Petersburg, 1912, 246 p. (In Russ.)
10. Kennan J. *Kotschevaja zgizn' v Sibiry. Priklutschenia sredi korjakov i drugih plemen Kamchatky i Severnoy Asii* [Nomadic life in Siberia. Adventures among the Koryaks and other tribes in Kamchatka and Northern Asia]. St. Petersburg, 1897, 384 p. (In Russ.)
11. Leontyev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskyy slovar' Severo-Vostoka SSSR* [Toponymical dictionary of the North-East of the USSR]. Magadan, 1989, 456 p. (In Russ.)
12. Lindenau J.I. *Sobranie istoricheskikh svedeny o jukagirah* [Collection of historical information about the Yukagirs] // *Opisanie narodov Sibiri* [Description of the peoples of Siberia]. Magadan, 1983, pp. 154—156. (In Russ.)
13. Olsuf'jev A.B. *Obzshy otcherk Anadyrskoy okrugi, ee ekonomiticheskogo polozhenija i byta naselenija* [General essay of the Anadyr district, its economic situation and the life of people]. *ZORGO*. Petersburg, 1896, vol. 2, Issue 1, 245 p. (In Russ.)
14. Sljunin N.V. *Sredy chukchey* [Among Chukchi] // *Zemlevedenie*, Moscow, 1895, Vol. 4, 46 p. (In Russ.)
15. Tkalich A.I. *Pravoslavnaja missija na Krajnem Severo-Vostoke* [Orthodox Mission in the Far North-East]. Moscow, MGOU Publ., 2011, 235 p. (In Russ.)
16. Tkalich A.I. *Prosvetitelskaya dejatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy zerkvy na Krajnem v dosovetsky period: dissertazija kandidata pedagogicheskikh nauk*. Diss. kand. ped. nauk [Educational activities of the Russian Orthodox Church in the Far North-East in the pre-Soviet period. PhD in ped. sci. diss.]. Moscow, 1999, 181 p. (In Russ.)
17. Tugolukov V.A. *Kto vy, jukagiry?* [Yukagirs: who are you?]. Moscow, 1979, 152 p. (In Russ.)
18. *Jukagiry: istoriko-geograficheskij ocherk* [The Yukagirs: historical-ethnographic essay] / ed. by A.P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 245 p. (In Russ.)